

Елена Арсеньева

Перстень королевы (Роберт Деверо, граф Эссекс – королева Елизавета....

*Часть сборника
Преступления страсти.
Ревность (сборник)*

Елена Арсеньева
Перстень королевы (Роберт
Деверо, граф Эссекс –
королева Елизавета. Англия)
Серия «Преступления
страсти. Ревность», книга 4

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162531
Преступления страсти. Ревность: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-26496-4

Аннотация

Ревнует – значит, любит. Так считалось во все времена. Ревновали короли, королевы и их фавориты. Поэты испытывали жгучие муки ревности по отношению к своим музам, терзались ею знаменитые актрисы и их поклонники. Александр Пушкин и роковая Идалия Полетика, знаменитая Анна Австрийская, ее английский возлюбленный и происки французского кардинала, Петр Первый и Мария Гамильтон... Кого-то из них роковая страсть доводила до преступлений – страшных, непростительных, кровавых. Есть ли этому оправдание? Или главное – любовь, а потому все, что связано с ней, свято?

Елена Арсеньева

Перстень королевы

(Роберт Деверо, граф

Эссекс – королева

Елизавета. Англия)

Ревность – это источник смертных мук для любящего.

Карло Гольдони

Королева ждала гонца. Она сидела в углу, на самом неудобном кресле, глядя в пространство невидящими глазами. Мерный голос чтицы разносился по комнате. Королева делала вид, что слушает.

Гонец должен прибыть. Он пришлет гонца. Иначе... Да нет, он же не сумасшедший! Ему не хочется умирать, он еще так молод и красив! Он пришлет гонца.

Руки королевы, руки необычайных красоты и изящества, белые и нежные, словно у юной девушки, руки, которые она так любила показывать, зная, что с некоторых пор они составляют главное орудие ее кокетства, нервно комкали, тискали, рвали платок. Фрейлины, притулившись поодаль, встревоженно смотрели, как с тончайшего шелка отлета-

ют блестки и мелкие жемчужины, которыми была украшена кайма. Для того чтобы вытирать слезы или пот, платок, изготовленный в модном стиле «picadilli», конечно, жестковат, это скорее предмет роскоши, прелестно подходивший по цвету к темно-зеленому платью с жестко накрахмаленным кружевным воротником и манжетами соломенного цвета... Но скоро от платка ничего не останется!

Разумеется, фрейлин тревожила не судьба платка.

Раздался топот копыт и стук колес кареты по каменным плитам двора. Королева нервно повернула к окну голову, отягощенную знаменитым рыжим париком, прислушалась. Голоса во дворе, потом эхо торопливых шагов по дворцовым переходам...

Ну вот, наконец-то! Сейчас появится гонец из Тауэра. Он подаст королеве нечто... Она постарается сдержать счастливую улыбку и сначала для приличия нахмурит брови. Потом с притворной досадой пожмет плечами, скажет высокомерно:

– Ну что ж, королевское слово надо держать!

И подпишет приказ о помиловании. И сожмет в ладони то, что подал ей гонец, и забудет все, что отягощало и мучило ее, и не будет на свете женщины счастливее, чем она!

Дверь отворилась. Все уставились на вошедшего.

Королева удивилась. Это был Роберт Сесил, член тайного совета, сын знаменитого лорда-казначея Уильяма Сеси-

ла, игравший теперь при дворе почти такую же роль, какую некогда играл его отец. Королева, любившая окружать себя красивыми мужчинами, делала исключение для этого малорослого горбуна. Он был умен, хитер и верен, как и его отец, – незаменимый человек! Роберта Сесила королева всегда встречала приветливой улыбкой. Но сейчас глаза ее блеснули лихорадочным ожиданием. Он – гонец? Странно... Сесил был последним человеком, кого он выбрал бы для такой миссии, к кому обратился бы за помощью. Но, наверное, у него не было выбора...

«Бедный мой мальчик... Любимый мой мальчик... Как же должна была страдать твоя гордость, если ты решил обратиться за помощью к своему первому обвинителю! Но ничего. Я исцелю все твои раны, я подниму тебя на такую высоту, на какую еще не поднимался никто, даже Лейстер. Даже Лейстер!»

Королева отшвырнула истерзанный платок, нетерпеливо протянула руку, с трудом разомкнула спекшиеся, пересохшие от волнения губы:

– Ну, давайте, давайте скорее!

Сесил взглянул недоуменно:

– Простите, ваше величество, я не понимаю...

Королева резко выпрямилась:

– Что это значит? Разве он не передал вам перстень? Давайте же его скорей, и я сейчас же...

Она осеклась. Сесил поклонился:

– Ваше величество, при нем не было никакого перстня. Как и положено, его обыскали перед тем, как он положил голову на плаху, он сам вывернул карманы.

– Положил голову на плаху... – непонимающе, эхом, повторила королева. – Кто?

– Ваше величество, я прибыл сообщить вам, что казнь свершилась. Роберт Деверо, граф Эссекс, государственный преступник, был казнен полчаса тому назад на лужайке Тауэра, позади Башни Цезаря... по вашему повелению: как вы помните, вы сами заменили публичную казнь на этот скромный акт...

– Что? – тихо сказала королева.

– Казнен, – терпеливо повторил Сесил. – Палач отрубил ему голову тремя ударами, уже первый из которых оказался смертельным, совершенно лишив сознания и движения. Разве вы не слышали пушечного выстрела, который возвещал о свершении казни?

Королева, такое впечатление, не слышала вообще ничего.

– Где перстень? – промолвила она, слабо шевеля губами. – Он должен был передать вам перстень для меня, ведь в том перстне был залог его жизни. Когда-то я дала ему слово, что, получив перстень, забуду все обиды и вспомню только о той любви, которую питала... которую всегда буду питать к нему... Я вспомню и...

Сесил мрачно кивнул. Он что-то в таком роде слышал, о каком-то перстне, подаренном королевой Эссексу еще дав-

но, в самый разгар его успехов при дворе... Но у несчастного узника, которому час назад отрубили голову, никакого перстня не было, Сесил готов был дать голову на отсечение!

Он невольно содрогнулся от столь мрачного каламбура. И наконец-то понял, почему узник вел себя так странно. Он был в общем-то спокоен, однако с некоторым нетерпением оглядывался, словно ожидал, что в тесный дворик вдруг войдет кто-то... Чудилось, даже положив голову на плаху, он все еще не верил, что сейчас расстанется с жизнью. Он ждал, он терпеливо ждал!

Ждал помилования, которого так и не последовало...

Интересно, куда запропастился перстень, от которого зависела жизнь приговоренного? Был послан королеве и пропал? Его присвоил гонец? Или кто-то во дворце перехватил его и припрятал? Что и говорить, у Роберта Деверо, графа Эссекса, было немало врагов, Роберт Сесил находился в их числе, и еще неизвестно, как бы он поступил, попади ему в руки заветный перстень королевы! Но сейчас (редкий случай!) совесть его была чиста. И перед королевой, и перед бывшим другом его детства – графом Эссексом, Робертом Деверо.

– Эссекс мертв, ваше величество, – проговорил он беспощадно. – У королевы Англии стало на одного врага меньше. Думайте об этом, думайте прежде всего об этом...

«И вам станет легче!» – чуть не сказал он вслух, но вовремя прикусил губу.

Королева... Слышала она его или нет? Смотрела в никуда, чуть шевеля губами, иногда хмурясь, иногда слабо улыбаясь. Что видела она в это мгновение, с кем из двух Робертов – уже навеки потерянных для нее! – мысленно говорила?

Роберт первый

1576 год. Королева Елизавета навестила замок своего министра, лорда-казначея Уильяма Сесила, лорда Берли. Тотчас после сэра Уильяма к королеве с не слишком-то ловкими поклонами приблизились два мальчика лет десяти: Роберт Сесил, который уже тогда, бедняжка, был нескладен и сутул, а в будущем обещал сделаться и вовсе горбатым уродцем, и еще один – высокий, с каштановыми волосами, с яркими глазами, с высокомерным лицом.

– А это еще кто? – удивилась Елизавета, зная, что у сэра Уильяма всего один сын.

– Это сын Уолтера Деверо и леди Летиции Ноллис, – сказал лорд Сесил, сделав самое скромное и невыразительное лицо, особенно когда произнес имя дамы.

Леди Летицию с некоторых пор королева называла не иначе как «волчица» и ненавидела ее, пожалуй, больше всех на свете. На этой проклятой Летиции тайно женился единственный человек, кого любила «королева-девственница», – любила отнюдь не той любовью, которая приличествовала бы этому ее званию, зато любила всю жизнь. Роберт Дадли, граф

Лейстер, «сердце двора», «глаза королевы», красивейший из мужчин, богатейший и знаменитейший из англичан, обладатель самой скандальной славы, ставший, как уверяли смакователи тайных сплетен, любовником Елизаветы еще в те незапамятные времена, когда она была узницей своей сестры Марии Тюдор, по прозвищу Кровавая, и содержалась в замке Гетфильд...

В ту пору, читая ежевечернюю молитву, Елизавета не знала, сможет ли прочесть утреннюю – жизнь ее воистину висела на волоске, ведь Мария, одержимая ревностью и завистью к более молодой и более красивой Елизавете, с рассудком, помутненным болезнью, подозревала единокровную сестру во всех мыслимых и немыслимых заговорах с целью захвата короны. А вот Роберт Дадли и в самом деле стал участником одного из таких заговоров, имевших целью возвести на трон «протестантскую королеву» Елизавету вместо яркой католички Марии, которая зажгла в Англии такое множество костров для еретиков, что жители Лондона жили в ядовитом чаду и жутком запахе горевшей плоти. На один из таких костров была прямая дорога Дадли – на костер или на плаху, где недавно расстался с головой его отец, лорд Нортумберленд. Однако, лишь взглянув на Роберта, Мария заколебалась. У жесткой королевы не нашлось сил лишить жизни такого красавца! Обаяние Дадли было поистине бесовское, он был создан на погибель женщинам – королевам и потаскухам, молодым и старым, замужним и девственницам, которые с пре-

великой охотой расставались в его объятиях со своим главным сокровищем. Рассталась и Елизавета... И с той минуты она почувствовала, что рождена на свет ради этого мужчины.

После того как Мария оставила Дадли в живых, он был выпущен из Тауэра свободным от всех обвинений, получив обратно все отнятое: имущество и звание. Елизавету же продолжали держать в Гетфильде. Конечно, она не теряла там времени даром: изучала языки, историю, музыку, литературу, беспрестанно танцевала. Ах, как она обожала танцы! И на всю жизнь сохранила эту страсть, каждый день начиная с шести-семи гальярд... А ночами она открывала окно своей спальни, ожидая возлюбленного. Слухи о том, что Роберт Дадли слишком часто исчезает из Лондона и что его якобы видели на дороге, ведущей в Гетфильд, дошел до королевского дворца. Мария разъярилась так, что даже ее супруг, Филипп Испанский, втихомолку ненавидевший свою жену, толстую старообразную англичанку, и исполнявший свои обязанности по отношению к ней с нескрываемой скукой, почувствовал что-то вроде изумления: да неужели сия увесистая истеричная матрона способна на столь изысканные чувства?!

По счастью, о вспышке королевской ярости Дадли узнал от верных людей и успел не только предупредить Елизавету об осторожности, но и предпринять кое-какие шаги. Например, жениться. Избранница его Эми Робсарт – прелестное, незамысловатое существо, мечта любого мужчины... ес-

ли только он не лелеет честолюбивых замыслов, которые не имеют границ.

Шаг был ужасным для Елизаветы, но единственным, который мог успокоить ревность Марии Кровавой, а главное, утихомирить недоброжелательные слухи, которые начали роиться вокруг имени узницы Гетфильда. Дадли верил – или надеялся, что иногда почти одно и то же, – что Елизавета станет королевой. И сейчас он думал больше о ее репутации, чем о том, как будет разрубать им же самим завязанный гордиев узел. Он верил в свою счастливую звезду, верил, что имя этой счастливой звезды – Елизавета.

Как ни удивительно, Роберт не ошибся. В один прекрасный день (то есть он был, конечно, прекрасен для очень многих, только не для королевы Марии!) 1558 года Мария Тюдор покинула сей мир, освободив трон не для своего супруга Филиппа Испанского, а для нелюбимой и презираемой (Мария считала Елизавету незаконнорожденной, поскольку та родилась через три месяца после свадьбы Генриха VIII с Анной Болейн, стало быть, зачата была во грехе) младшей сестры. Филипп, правда, пытался зацепиться за престол, предложив свою персону в качестве супруга для новой владычицы Англии, коронование которой состоялось 15 января 1559 года, однако Елизавета вежливо, но непреклонно отклонила его предложение, заявив, что принадлежит своей стране, а о замужестве пока не помышляет.

Ее слова стали настоящей ловушкой для многочисленных

претендентов на руку и сердце молоденькой королевы, которые так и ринулись к ней со всей Европы, словно мухи на мед.

Елизавете было не впервой отказывать женихам. Еще когда она пребывала в заточении в опостылевшем Гетфилде, Мария из всех сил старалась сосватать ей герцога Савойского, однако Елизавете совершенно не улыбалось променять одну тюрьму на другую, удалиться в какую-то там замшелую, провинциальную Савойю, навсегда распростившись с надеждой сделаться английской королевой, поэтому она отговорила тем, что вообще не намерена выходить замуж, а тем паче – покидать Англию. Теперь таким «герцогам Савойским» стало имя легион – электор палатин Казимир; эрцгерцог австрийский Карл (племянник, между прочим, Филиппа Испанского); герцог Голштинии; Эрик, наследный принц Швеции и дядя датского короля (он оказался необычайно настойчив!)... И даже сам Карл IX Французский был предложен молодой английской королеве в приватном письме Екатерины Медичи! Ну и, конечно, Филипп Испанский не оставлял Елизавету в покое. Все получили отказ.

Решив, что государыня не желает выходить замуж, так сказать, на сторону, и всячески ее позицию одобряя, английские джентльмены тоже принялись лелеять смелые matrimoniaльные планы. Себя в качестве принца-консорта (ну, а прямо скажем – будущего короля!) предлагали кавалер Пикеринг, граф Арондель, граф д'Арран... Да множество их

было, опять-таки. Им тоже не повезло.

Тогда от парламента была послана к молодой королеве целая депутация с просьбой выбрать хоть кого-нибудь! Елизавета отвечала:

– Для славы Божией, для блага государства я решилась нерушимо хранить обет девства. Взгляните на мой государственный перстень, являющийся символом власти, им я уже обручилась с супругом, которому буду верна неизменно до могилы. Мой супруг – Англия, дети – мои подданные. Если польза и счастье последних потребуют от меня принесения им в жертву моей девической свободы, я выберу себе в супруги человека достойнейшего; но до тех пор желаю, чтобы на моей гробнице начертали: «Жила и умерла королевой и девственницей!»

Опять расплывчатые обещания – «если», «до тех пор»... Дадли встрепнулся. Ему виделась в словах королевы лазейка, оставленная нарочно для него. Разве не он был самым достойнейшим, который уже владел телом и сердцем королевы? Она ведь теперь так и называла его – сердце двора. Дадли был пожалован в обершталмейстеры королевы, в кавалеры ордена Подвязки с придачей замков и поместий Кенилворта, Денби и Черка. Он получил право беспошлинно вывозить из страны шерсть, королева подарила ему двенадцать тысяч фунтов стерлингов на мелкие расходы, а поскольку в Англии не было мужчины-государя, который бы командовал рыцарскими турнирами (а Елизавета обожала такие за-

бавы!), она поручила выполнять обязанности распорядителя Роберту Дадли. Королева словно нарочно делала его достойнейшим претендентом на свою руку.

Но людей поражало не только это. Елизавета непрестанно беседовала с Робертом, подзывала его к себе, смотрела на него... А когда его не было рядом, говорила лишь о нем.

Сэр Джеймс Мелвилл, посол Шотландии при английском дворе, писал в своем отчете: «Сама Елизавета помогала ему одеться к парадному приему, а он в это время стоял на коленях перед ней и был очень серьезен и покорен, но что касается королевы, то она не могла удержаться от того, чтобы не положить руку ему на шею, и улыбалась, в то время как и я, и французский посол стояли возле нее...»

Конечно, он был очень красив. Очень. Назвать такого красавца мужем мечтала бы каждая женщина, даже королева!

Одна неувязка – сэр Роберт был женат...

И вот пронесся слух – бедная леди Дадли, оказывается, тяжело больна. Кто бы мог подумать! Какое несчастье – она не заживется на свете. Она так убита вестью о своей страшной болезни, что непрестанно помышляет о самоубийстве. Нет, нет, сэр Роберт не верит, что Эми возьмет такой грех на душу. Конечно, она будет терпеть, как велел нам Господь...

Однако долго терпеть Эми не пришлось. Однажды случилась в соседнем городке ярмарка – знаменитая Абингтонская ярмарка. Все слуги из принадлежащего Дадли имения Камнор-Плейс отправились туда поразвлечься, а когда вер-

нулись, нашли леди Эми лежащей у подножия лестницы с переломанной шеей.

Должно быть, оступилась, бедняжка, на ступеньке, да и покатилась вниз кубарем... А может быть, не оступилась? Может быть, все же покончила с собой?

Кто ж знает! Ни единого человека при том не было...

Не было-то не было, однако немедленно поползли слухи. Станные слухи! Якобы кто-то видел каких-то неизвестных людей, входивших в дом, где находилась одна хозяйка... Потом якобы там раздавались женские крики... затем неизвестные визитеры спешно умчались от дома, гоня лошадей во всю прыть... А что, если это были наемные убийцы? Убийцы, которых послал муж Эми, чтобы освободить место рядом с собой для королевы, которая, по слухам, влюблена в него, как безумная?

Когда слухи дошли до Елизаветы, она пришла в неистовство. Как мог сэр Роберт поступить столь неосторожно?! Конечно, они не раз беседовали о том, какая, мол, жалость, что их разделяет другая женщина... Конечно, они не раз строили планы, как превосходно, как справедливо и благородно правили бы государством вместе... Но неужели Роберт мог оказаться столь глупым, чтобы принять всерьез, за чистую монету байки, которыми всегда кормят милых сердцу мужчин влюбленные женщины?!

Себе-то, наедине с собой, Елизавета могла признаться, что никогда не желала смерти Эми. Конечно, когда-то она

страшно ревновала любовника к погибшей бедняжке – особенно в первое время после их свадьбы. Представить, как ее возлюбленный лежит в объятиях другой женщины... Но потом это прошло. Роберт сумел убедить ее, что между ним и Эми нет никаких супружеских отношений. Ну да, ведь у них не было детей, значит, они не спали вместе...

А вообще, если честно, оказалось, что Елизавете жилось на свете куда легче, когда Роберт был женат. Что может быть приятней для женщины, чем оставаться вечным объектом обожания – недостижимым объектом? Она совсем не хотела замужества, которое обернулось бы триумфом для Роберта и унижением для нее.

И теперь Елизавета страшно разозлилась. Любовь – это, конечно, прекрасно, но ведь она не только любовница Дадли. Она – королева, которая снизошла до него, подобно тому как богини снисходили до смертных. А он... Зачем, интересно, ей слушать намеки со всех сторон, мол, закона-то в Англии, оказывается, два – один для всех, а другой для королевского фаворита?

О, конечно, Елизавета всегда была убеждена, что родилась для этого мужчины, однако сейчас она несколько призадумалась и пришла к выводу: а ведь, пожалуй, она родилась прежде всего для трона!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.